

Траян Санду

ВЛИЯНИЕ РОСТА ФАШИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

В статье рассматриваются два аспекта феномена фашизма в 1930-е гг. Первый касается межгосударственных отношений, в рамках которых импульс внешнеполитической инициативы смещался от Италии к Германии на фоне растущей зависимости малых аграрных государств Центральной и балканской Европы от все более настойчивых автаркических амбиций нацистской Германии. В идеологическом аспекте подчеркивается стремление Италии и Германии усилить вмешательство в жизнь центрально-европейских государств путем слияния близких Риму и Берлину профашистских движений с другими партиями правого спектра. Такая политика редко достигала успеха и не способствовала усилению влияния автохтонных фашистских движений, в то время как традиционные консервативные элиты стремились подавить и маргинализировать фашистские движения, особенно в период до начала Второй мировой войны.

Fascist phenomenon covers at least two aspects as far as international relations in the thirties are concerned. First are the inter-state relations with the slow shift of Fascist Italy from the occidental powers to Nazi Germany, as well as a growing polarization of the small agrarian countries from Eastern Europe by the autarchy politics of the second industrial world power, mainly after the remilitarization of the Rhineland in March 1936. But ideological dynamics adds a transnational convergence between far-right movements, Italy and mostly Germany trying to intervene on the inner political scenes of the Central European States in favor of the merging of the political right and thus acquiring a lever in these countries. Nevertheless, such policies were seldom successful and rarely benefitted to the main Fascist autochthonous movement, but rather to more obedient far right parties. Moreover, they had a contrary effect on the traditional conservative elites in charge with power, and the fascist defy often turned to harsh repress which marginalized them until the beginning of the war.

Ключевые слова: фашизм, ревизионизм, коллективная безопасность, фашистские движения.

Keywords: fascism, revisionism, collective security in Europe, fascists movements in Europe.

Самым затруднительным термином в названии статьи, очевидно, является «фашизм», который проявляется в двух случаях. Во-первых, если рассматривать фашизм только как идеологию радикального национализма и экстремизма во внутренней политике, жестокости внешней политики, различия одних стран от других в способности вести реалистичную политику, в том числе против другого фашистского государства, примером чего является сюжет итальянско-немецкой напряженности в отношении Италии в июле 1934 г.

Во-вторых, если мы станем рассматривать сходящиеся определения «фашизмов» в духе новых теорий тоталитаризма, выводящих генезис фашизма из транснационального духовного кризиса современности, как замещающую политическую религию (по Эмилио Жантилю) [1, 2], и надежд на революционную регенерацию, захватывающего индивидуума и социум для осуществления коллективного проекта (концепция палингенного ультра национализма Р. Гриффина [3, 4]). Таким образом, представляется, что не только состоявшиеся фашистские режимы, но также и фашистские движения в Центральной Европе, в Румынии, в Венгрии и в Хорватии создали новый вид этоса, который запрещал им вносить свой вклад в полный и окончательный неуспех «братского» режима или политического движения. Конечно, при таком подходе следует избегать утверждений о неизбежности формирования оси Рим — Берлин или, если выйти за рамки рассматриваемого периода, сотрудничества сторонников

жесткой линии во время финального кризиса европейского фашизма в 1944 г. Однако в 1930-е гг. конвергенция фашизма определяла взаимодействие «множественных фашизмов», которое следует принимать во внимание для реалистичного изучения истории международных отношений.

Таким образом, в статье будут проанализированы три подхода к теме. Первый подход: межгосударственные отношения, далее — влияние Германии и Италии на фашистские движения центральноевропейских стран (за исключением движений немецкого меньшинства в Центральной Европе) как фактора воздействия на внешнюю политику своих стран, и, наконец, геополитическое переопределение центральноевропейского пространства в этом быстро меняющемся международном контексте.

Фашизм в Европе как движущая сила быстрых стратегических реконфигураций. При рассмотрении фашизма с точки зрения международного конфликта поствестфальских государств именно Германия и Италия стремились к осуществлению ревизионистской программы, бывшей следствием их империалистического экспансионизма, активной политики вооружения, и провоцированию потрясений в международном порядке еще до прихода к власти А. Гитлера в Германии в январе 1933 г. В первой половине 1930-х гг. риск, а потом и реальность прихода Гитлера к власти вызывает сближение между Францией и СССР, которое далее переконфигурируется в альянсы между Парижем и странами Центрально-Восточной Европы, уменьшая эффект франко-немецкого примирения в Локарно и Итальянский фактор на Балканах, бывший проблемой конкуренции для французской дипломатии во второй половине 1920-х гг. [5, р. 87—121, 139—142; 6, р. 249—267; 7, р. 117—147; 8]. Эти изменения происходят в попытке интеграции данных стран оси «Париж — Москва». Однако в середине 1930-х гг. укрепление потенциала немецкой армии и ремилитаризация Рейна, изолировавшие страны Центральной Европы от Франции и Англии, сузили возможность дипломатического выбора для стран, расположенных между Германией и СССР.

После прихода Гитлера к власти Париж тщетно пытался привести центральноевропейских партнеров в антинемецкие комбинации. Три основных фактора предопределяли моделирование отношений между Францией и Центральной Европой. Первым фактором стало распространение экономического кризиса в Европе: аграрная Центральная Европа страдала от падения цен на сельскохозяйственную продукцию и нуждалась в возможности выйти на рынки более индустриализированных стран, где крестьяне могли продать свои излишки хлеба за справедливую цену; и только Германия была в этом заинтересована из соображений политической конъюнктуры, чтобы ослабить шансы на интеграцию Австрии в Содружество дунайских государств, над которым финансово доминировала Франция, чья экономика еще не вошла в состояние кризиса до конца 1931 г. [6, р. 361—400].

Второй фактор был определен динамичным ростом влияния фашизма в европейской политике, который угрожал Франции и странам Центральной Европы, где фашистские идеологии не стали мейнстримными и были слабо представлены в политической палитре. Германия оказывала давление на Францию в вопросе прав на ревооружение, а Италия продолжала поддерживать территориальные претензии Венгрии, что стало комплексным инструментом давления на Малую Антанту. Советский Союз занял промежуточное положение в новом витке дестабилизации в Европе, отказавшись от планов силовой ревизии западных границ, но вплоть до подписания лондонской Конвенции об определении агрессора в июле 1933 г. не признавая их неприкосновенность. Кризис и угроза ревизионизма в странах Центральной Европы привели к усилению правых авторитарных режимов, которые допускали возможность заигрывания с Римом, для смягчения опасности территориальных ревизий. Это идеологически отдаляло их от Парижа и нарушало единство подходов к проблеме безопасности.

Третьим фактором франко-центральноевропейских отношений был посыл перестроить конфигурацию безопасности так, чтобы заново интегрировать ослабевающую, радикализи-

рующуюся и подверженную фашистскому давлению Центральную Европу, страны которой в конечном итоге теряли доверие к Парижу.

Инициативы франко-центрально-европейской безопасности до прихода к власти Гитлера были отмечены увеличением участия Советского Союза. Рубеж 1932—1933 гг. был отмечен наибольшим ухудшением международной ситуации в регионе со времен 1919 г., поскольку усиление Германии принудило Францию вернуться к поиску новых путей обеспечения безопасности. Бухарест заставил Кэ д'Орсэ задержать подписание Пакта о ненападении с Москвой до конца ноября 1932 г., когда было уже слишком поздно адекватно реагировать на давление со стороны западных держав на начавшееся перевооружение побежденных (*Gleichberechtigung* декабря 1932 г.¹). Титулеску, представляя всю Малую Антанту, аналогично пригрозил Кэ д'Орсэ в апреле 1933 г. совершить переориентацию этого блока на нацистскую Германию, если Франция будет настаивать на поддержке проекта Муссолини по созданию проревизионистского Пакта четырех (в составе Великобритании, Франции, Италии и Германии), по которому дуче рассчитывал укрепить позиции фюрера в обновленном концерте европейских держав, а Англия и Франция вознаграждали Рим в Центральной и Балканской Европе за добрую волю в отношении к вовлечению гитлеровской Германии в архитектуру европейской безопасности (6, р. 431—440). Этот последний франко-центрально-европейский кризис ставил СССР перед необходимостью уступить в бессарабском вопросе, чтобы избежать изоляции, которой ему угрожал вышеупомянутый пакт. Так, СССР и Румыния подписали Конвенцию об определении агрессора в июле 1933 г. в Лондоне, что означало обращение Титулеску к новой модели безопасности, которая стала намечаться с февраля 1933 г., как конкурент проекта Пакта четырех и была основана на принципе обратных связей: Москва заменяла место Франции и становилась краеугольным камнем блока, которые Польша и Малая Антанта так и не смогли сформировать еще с 1919 г.

С 1933 г. вплоть до ремилитаризации Рейна в марте 1936 г. ось Париж — Москва в Центральной Европе несла постоянную тень фашизма — либо со стороны Италии, которая продолжала искать союза с Францией, планируя создать конкуренцию линии Париж — Москва, либо со стороны Германии, которая находилась под пристальным наблюдением всех европейских держав. В новой дипломатической и военной конфигурации только Румыния могла обеспечить геостратегическую непрерывность (через Чехословакию) франко-советского военного союза против Германии, который Варшава отвергала, главным образом из договора с Берлином от января 1934 г. [9, р. 154, 156, 157; 10, р. 115—119]. Умело действуя, немецкий ревизионизм осторожно проявлял себя по отношению к трансильванскому вопросу, позволяя развиваться проблемам, которые возникали в последствии интегрирования хунгарофильской Италии во французскую систему безопасности — с одной стороны, и дебатам о проходе советских войск через Буковину и Бессарабию — с другой, что также осложнялось территориальным спором с СССР, памятью о русской оккупации XIX в., Первой мировой войне и риском революционного мессианизма большевистской России [11].

Трансформация системы безопасности в 1930-е гг. была затруднена следующей несовместимостью: оживление союза с Польшей не могло работать в сближении участников оси Париж — Москва. Советско-французский союз наносил ущерб румынско-чехословацкому союзу, ориентированному против Венгрии, так как Польша пыталась ангажировать Будапешт

¹ После того как в июле 1932 г. Германия, потребовав «равенства в вооружениях», заявила о своем отказе участвовать в дальнейшей работе Женевской конференции по разоружению, подготовительная работа к которой началась еще в декабре 1925 г., министр рейхсвера К. фон Шляйхер добился от четырех держав (Англия, Франция, США, Италия) подписания 11 декабря 1932 г. декларации о признании принципа равноправия Германии в вопросе о вооружениях («равноправие в рамках системы безопасности, одинаковой для всех стран») (*прим.* переводчика).

и Софию для создания антисоветского кордона от стран Прибалтики до Болгарии, разрезая этим два других региональных союза, ведомых Румынией: Малую Антанту, направленную против Венгрии и Болгарии, и Балканский пакт, заключенный в феврале 1934 г. и обращенный против Болгарии. Югославия также подрывала ось Париж — Москва и Малую Антанту своей враждебностью по отношению к СССР, она разрушила Балканскую Антанту сближением с Софией и осложняла политику Франции симпатией по отношению к Германии.

Признание Советского Союза странами Малой Антанты 9 июня 1934 г. вбило клин в отношения между участницами Балканской Антанты. В более широком масштабе разделение в рамках этой региональной организации являлось попыткой сохранить нейтралитет в условиях поляризации сил на европейской сцене. Это означало, что время маленьких требовательных «клиентов» еще не завершилось: центральноевропейские страны должны были искать способ лучше адаптироваться к возобновившимся конфликтам между Лондоном, Парижем, Берлином и Москвой.

К примеру, Малая Антанта, и особенно Югославия, с удовлетворением приняла заверения Геринга, что Берлин не поддерживает венгерский ирредентизм [10, р. 161]; это было благоприятно для межрегионального соглашения, представленного на конференции Малой Антанты и Балканской Антанты, состоявшейся в Белграде в октябре 1934 г. [12, D. n°334 d'Ormesson du 1er novembre 1934, Z Roumanie 179, f. 43, 44]. Берлину ничего не стоило сделать подобное заявление, раз Италия поддержала венгерский ирредентизм, одновременно выступив против аншлюса Австрии в июле 1934 г. и приняв участие в союзе, заключенном во время конференции в Стресе в апреле 1935 г. с Францией и Великобританией против Германии (фронт Стрезы). Берлин подтолкнул Варшаву скомпрометировать себя перед Бухарестом улучшением отношений с Будапештом, так как сближение Румынии с СССР ослабило старый польско-румынский союз [12, D. n°224 d'Ormesson du 3 septembre 1934, Z Roumanie 179, f. 12—16]. Авторитарные Польша во главе с полковником Ю. Бекем и Венгрия под руководством Г. Гёмбёша приветствовали сближение Берлина и Рима после напряженности в вопросе аншлюса Австрии, надеясь «разомкнуть тиски» советско-французских союзов с центральноевропейскими странами.

Частичная реабилитация Германии на международной арене подтолкнула Румынию и Югославию продемонстрировать Франции их недоверие к Италии, поскольку после убийства адепта сохранения мира в Европе — французского министра иностранных дел Л. Барту хорватскими уставами в Марселе, курс нового министра П. Лавалья склонялся к ослаблению обязательств по договору с Москвой в пользу заключения нового договора с Римом.

Реакция Берлина заключалась в наращивании путей проникновения в билатеральные отношения третьих стран, создавая параллельные дипломатические комбинации. В марте Гитлер восстановил обязательную военную службу, и фронт Стрезы обязал французов и англичан оказать поддержку ревизионизму Италии, направленного против сближения Германии и Румынии. Уступки Германии приняли ограниченную форму соглашения о преференциальных условиях торговли в июне 1935 г., став частью автаркического проекта Германии, нуждающейся в дешевом румынском хлебе. Эта уступка была компенсирована предшествующей румынской интеграцией в рамках франко-советской оси. Так, советско-чехословацкий Договор 16 мая 1935 г. наряду с франко-советским 2 мая 1935 г. предполагали советско-румынские переговоры о проходе советских войск. И все же Титулеску хотел дипломатично согласовать нюанс о Бессарабии до подписания, а Литвинов не был готов выйти за рамки уступок, заключенных в ноте об установлении дипломатических отношений в июне 1934 г. [12, D. n°265 de Charles Alphand, ambassadeur à Moscou, du 30 juin 1935, Z Roumanie 196, f. 144].

Полемика с Польшей, регулярно посещаемой Герингом, ожесточалась на протяжении всего конца 1935 г. Польский посланник в Бухаресте, реакционер М. Арцишевский, сообщил 19 октября начальнику генерального штаба Румынии генералу Н. Самсоновичу, что

Польша не согласилась бы на переход советских войск через Румынию, а вскоре и что генеральный инспектор польской армии генерал Э. Рыдз-Смигла ему угрожал 24 октября разрывом польско-румынского союза, заключенного еще в 1921 г. [13, p. 124—126].

В период с октября 1935 г. по март 1936 г. торможение румынско-советского сближения складывалось синергически. Титулеску просил у Франции разъяснений касательно ратификации Парижем договора с Советским Союзом [12, D. n°451 d'Ormesson du 16 novembre 1935, Z Roumanie 196, f. 188—190]. Он пытался заставить Францию связать себя обязательствами содействовать эвакуации советских войск после оказания военной помощи Чехословакии. Это положение существовало в советско-чехословацком Договоре и Бухарест желал получить от Парижа дополнительную страховку на случай возможного дележа сфер влияния в Центральной Европе между Францией и СССР после победы над Германией [10, p. 185].

Другая неоднозначность румынской дипломатии заключалась в улучшении отношений с Польшей. Эта уступка Титулеску по отношению к правым партиям требует определенного пояснения: «Он считает, что Румыния, сохраняя достигнутое соглашение с Россией, должна приблизиться к блоку Германии и Польши и искать согласия с ними таким образом, чтобы от этого получать гарантии, в которых она нуждается, в случае возможных конфликтов в Восточной Европе. В случае расширения конфликта на другие территории положение было бы совершенно другим, так как Румыния может только оставаться верной договорам, которые связывают ее с Малой Антантой», — писал Титулеску из Гааги 2 декабря 1935 г. [12, D. n°623 du ministre à La Haye du 2 décembre 1935, Z Roumanie 179, f. 238, 239].

Эта попытка равноудаления и проведения противоречивой стратегической линии, стремящейся одновременно поддерживать берлинско-варшавский и французско-советский векторы, казалась настолько бессвязной, что потенциальным противником Румынии в случае возможной локальной войны оказывалась бы Москва, которая была бы главным союзником Бухареста в случае глобальной европейской войны.

Начавшаяся в октябре 1935 г. итало-эфиопская война ослабила западный фронт Стрезы, а также Лигу Наций, которая пыталась поддержать франко-советское сотрудничество, с тех пор как Германия там была заменена Советским Союзом. В начале 1936 г. Франция испытала значительное охлаждение отношений с Англией и Италией, одновременно ослабло и взаимодействие с СССР. Этот нестабильный момент был выгоден для Германии, чтобы безнаказанно поставить мир перед актом насилия, осуществив ремилитаризацию Рейнской области в марте 1936 г. Отсутствие реакции Парижа вызвало разочарование Москвы, Чехословакии и Румынии [10, p. 158]. Ремилитаризация помешала Франции занять Рейн и сконцентрировать силы там, чтобы развернуть наступление на Германию в то время как с востока должны были начать наступление советские и чехословацкие войска. Восточные союзники Франции оказались оставлены один на один с Германией, в то время как Франция сосредоточилась на укреплении своих оборонных мощностей на линии Мажино.

В этой ситуации советско-румынские двусторонние переговоры по вопросу пропуска советских войск не имели более смысла. Тем не менее 21 июля Титулеску парафировал с Литвиновым в Монтре текст, который включал возможность прохождения советских войск по территории Румынии, но их эвакуацию по просьбе правительства Румынии и особенно осуществления этого пункта при единственном условии, что Франция непосредственно вступает в войну. Литвинов не был согласен с этой последней оговоркой, тем не менее содержащейся в второй статье Договора [15, p. 152—154]. Подписание парафированного текста должно было состояться в сентябре, но 29 августа Титулеску был отправлен в отставку [16].

Влияние транснациональных фашистских сетей на дипломатию в Центральной Европе. В ходе переговорного процесса, предшествующего акту насильной ремилитаризации Рейна, влияние Берлина и Рима на европейские движения правой направленности способствовало формированию общественного мнения, что именно эти движения могут взять на себя мобилизи-

рующую роль в обществе. Однако в странах, где традиционные политические элиты еще сохраняли рычаги формирования внешней политики, влияние фашистских движений создавало соперничество с классическими правыми партиями, которые собственно и формировали систему власти и управления. Рим и Берлин же часто делали ставку именно на последних, особенно на этапах до начала Второй Мировой войны.

Пока немецко-итальянская доминанта в Центральной Европе еще не сложилась в ось «Рим — Берлин», влияние фашизма распространялось в странах региона посредством механизмов внутривластной борьбы. Интриги Берлина и Рима состояли в том, чтобы содействовать консолидации правых партий в странах региона и не допустить политической изоляции местных фашистских партий. В реальности оказалось достаточно сложно манипулировать претендующими на автономию и массовую репрезентативность радикальными политическими движениями, которые, выступая «от имени всего народа», просто не могли компрометировать себя, подчиняясь «пожеланиям» каких бы то ни было иностранных опекунов.

Например, румынская фашистская Железная гвардия, сохраняя независимость от фашистских моделей Италии и Германии, не скрывала связи с немецким антисемитизмом, на что указывал один из ее лидеров Ион Моца в Монтре 16—17 декабря 1934 г. на учредительном съезде «Комитетов действия за универсальность опыта Рима» (КАУР) — международной организации, созданной Б. Муссолини для объединения различных европейских политических движений, поддерживающих модель итальянского фашизма. Итальянские фашисты дистанцировались от Железной гвардии по двум причинам: итальянская политика была гораздо более провенгерской, чем, например, немецкая, и в то же время не была столь же антисемитской. Так как нацистская Германия не была представлена на съезде в Монтре, Моца плодотворно использовал антисемитскую риторику, чтобы привлечь внимание Берлина. Немцы не были в ладах с итальянцами со времен австрийского кризиса июля 1934 г., и Моца таким образом подверг критике итальянскую модель, недружественную к немецкому антисемитизму [17, р. 74—78]. Второй аспект ориентации Железной гвардии на Берлин сформировался как раз после этой оказанной услуги. Иону Моца пришлось оправдаться перед своими немецкими покровителями за отказ легионеров Железной гвардии выполнять рекомендацию Гитлера о примирении с другими правыми партиями и движениями для реализации общего проекта фашистской революции и радикального вооруженного массового движения против режима румынского королевства [17, р. 50].

Специалист по истории итало-румынских отношений середины 1930-х гг. Франческо Гида отмечал аналогичную незаинтересованность Рима по отношению к Железной гвардии: «Я думаю, мы должны подчеркнуть ключевую причину разрыва правительства Муссолини с праворадикальными движениями в Европе, особенно в Румынии. Он выступал в качестве главы правительства и в качестве представителя национальных интересов в геополитике и экономике, и фашистское движение со временем потеряло ту разрушительную и маргинальную силу, которая возникла накануне марша на Рим в 1922 г. и сохранялась в последующий за этим период [...]. Фашизму никогда не удалось бы трансформироваться в идеальный тоталитаризм так, чтобы он потерял типичный заряд палингенетических радикальных режимов правого типа, как, в сущности, и левого также» [18, р. 82, 83].

Очевидный выбор в пользу оси Берлин — Рим определился после ремилитаризации Рейнской области и казавшейся неизбежности подписания советско-румынского договора. Корнелиу Кодряну, лидер Железной гвардии, выступил с критикой румынской дипломатии, находящейся в «очень хилых руках Титулеску»; сближение с Россией подвергалось беспрецедентному осуждению безотносительно важности для Бухареста антиревизионистской политики оси Париж — Москва и конкуренции великих держав. Тон заявления Кодряну, содержащий угрозы по отношению к самому королю, который также надеялся с помощью

дипломатических маневров сблизиться с Германией, говорит скорее о желании лидера Железной гвардии воспользоваться изменением сил на европейской дипломатической карте, чтобы переориентировать Румынию на ось Рим — Берлин, которая была близка идейно [19, р. 74, 75]. Таким образом, внешняя политика стала мощной силой на внутренней арене.

Легионеры, желающие сближения с Берлином, создавали препятствия для подписания советско-румынского соглашения, в то время как практически все румынские правые партии и так относились к этой политике с недоверием. Король Кароль II, узурпировавший внешнюю политику после отставки Н. Титулеску, высказался в своем дневнике 30 марта 1937 г.: «Для нас СССР по-прежнему является слабым местом. Все, начиная с меня, и за исключением нескольких национал-царанистов и Титулеску, категорически против слишком тесного сближения с ним. Но при таком раскладе мы хотя бы можем рассчитывать на определенное спокойствие в отношении с СССР, если не на дружбу. Если, как это желают некоторые, мы приблизимся к Германии и Италии, положение по отношению к СССР становится ненадежным, и наши другие союзы также» [20, р. 160, 161]. Когда Титулеску огласил отсутствие какого-либо соглашения с Советским Союзом в декабре 1935 г., он вызвал одобрение широкого политического спектра — от правоцентристских аграриев-царанистов до правых националистических партий [12, D. n° 313 d'Ormesson du 13 décembre 1935, Z Roumanie 196, f. 191].

На момент ремилитаризации Рейнской области Венгрия еще находилась в эпохе Гилы Гёмбёша, пытавшегося установить тоталитарный режим без привлечения массовой партии, которая могла бы позволить навязать его в структурах власти и получить поддержку в традиционалистски ориентированной социальной среде венгерской аристократии, находящейся в союзе с крупной еврейской буржуазией, которую защищал режим М. Хорти. Как отмечает эксперт в данном вопросе Й. Воньо, во-первых, аналогично другим фашистским лидерам, Гёмбёш всегда заявлял о своей независимости взглядов в попытке тоталитарной организации венгерского государства: «Гёмбёш — хотя он открыто признал Муссолини в качестве образца — все же неоднократно протестовал против сравнений себя с ним. Он часто настаивал, что его политика не подражала иностранным моделям, что она родилась на венгерской земле; и он проводит свою собственную политику» [21, р. 66, 67; 22]. Как и в Румынии, сопротивление традиционно правых партий помешало Гёмбёшу реализовать планы. После его смерти в октябре 1936 г., Ференц Салаши и организация «Скрещенные стрелы» стали доминировать в борьбе за власть и плотнее использовали связи с двумя основными фашистскими державами, создававшими ось Рим — Берлин. Воньо отмечает: «Без детального сравнения мы можем говорить о родстве взглядов Гёмбёша с другими праворадикальными диктатурами. [...] Самая большая разница в том, что большинство идей Гёмбёша остались на уровне проекта, в то время как Муссолини и Гитлер реализовали свои тоталитарные режимы. Мы видим причину провала Гёмбёша в масштабном сопротивлении венгерского общества. Наиболее значительное сопротивление оказывали сами государственные органы» [21, р. 66, 67].

Представляет интерес случай лидера экстерриториального движения хорватских усташей Анте Павелича, который был преследуем югославской властью, строившей последовательные связи с Римом и с другими авторитарными правительствами и движениями.

Как справедливо утверждает современный специалист по истории усташского движения Александр Корб, «усташам так и не удалось достигнуть масштабов массового движения» [23, р. 163; 24]. И поэтому успех убийства короля Югославии Александра Карагеоргиевича и Луи Барту в Марселе в октябре 1934 г. был также пирровой победой, которая заставила усташей скрываться в подполье еще в течение семи лет: «Убийством короля Александра в Марселе в 1934 году усташи добились известности, однако их пространство для дипломатического и политического маневра оказалось кардинально сужено, поскольку власти Югославии обрушили жесткие репрессии на это движение. Легальная активность усташей была запрещена,

в том числе в Третьем Рейхе и Италии, где усташские беглецы были переправлены на остров Липари, традиционное место ссылок. Деятельность усташей за границей свелась только к их базам в Северной и Южной Америке» [23, р. 161, 162].

Геополитическое переопределение Центральной Европы. Подход к рассмотрению периода 1933—1937 гг. заключается в изучении организации безопасности в пространстве Восток — Запад, поскольку ось Париж — Москва казалась универсальным способом укрепить мир под эгидой Лиги Наций, или же, по более пронизательному определению, заложенному в плане Барту, системой коллективной безопасности, как союз, основанный на натянутых отношениях между странами, желающими сохранить свои границы перед лицом восстановленной мощи Германии в центре Европы и ее итальянской тени на Балканах.

Начавшаяся в середине 1930-х гг. кардинальная переориентация центральноевропейских государств изменила геополитическую ситуацию в регионе, для раскрытия которой нужно обратиться к анализу связей по типу «центр — периферия». Эти новые стратегические направления имеют большое влияние на геополитическое определение Центральной и Восточной Европы, будучи включенными в типы зональных систем, которые следовали друг за другом с конца Первой Мировой войны:

Французская попытка единоличного господства над Центральной Европой в 1919—1922 гг.: это классическая конфигурация, где Румыния играет роль смычки между оборонительным флангом по отношению к России (польско-румынский союз 1921 г.) и наступательным флангом в Центральной Европе (имея общие границы с Польшей и Чехословакией, враждебно настроенными по отношению друг к другу). Скорый провал этой модели уступает место эре кондоминиумов, где Франция выбирает — или обязывается — разделять влияние с одной или множеством других Великих держав.

«Конфликтные кондоминиумы» свидетельствуют о постепенном уходе Парижа после 1922 г. от курирования вопросов безопасности, в сочетании со стремлением по-прежнему контролировать страны Центральной и Юго-Восточной Европы, которые пытались включить в свои антифранцузские союзы другие Великие державы: так, конкуренцию Парижу в 1923 г. пыталась составить Англия, затем в период 1926—1928 гг. возникло соперничество с Италией, в 1929 г. Париж испытал ревность по отношению к СССР, ангажировавшему центральноевропейские страны подписать протокол Литвинова об отказе войны как средства политики, в период 1931—1933 гг. вес в регионе начала набирать сама Германия.

«Признанные кондоминиумы» представляли собой раздел сфер влияния между Францией и дружественными ей державами, заинтересовать которые Париж пытался, используя фактор общей угрозы, и стремясь создать цепь граничащих друг с другом союзных государств: так было в 1925 г. в отношении Италии, в обмен на ее участие в рейнском гарантийном пакте, но эта попытка была прервана по причине эксклюзивизма и недоверия Муссолини; в 1933 г. Кэ д'Орсэ повторил маневр с дуче под видом Пакта четырех, который потерпел неудачу в пользу румыно-чехословацкого моста, подкрепленного союзом с СССР, который предпочел его окружению франко-итальянского союза, подписанного несколькими месяцами раньше.

Многополярная система последней трети 1930-х гг., в которой доминирующей становится самый мощный и самый быстрорастущий европейский центр, Германия, и ее южный партнер, Италия. Поэтому стремление сохранить нейтралитет, определявшее внешнюю политику Румынии с 1934 г., также уступило вмешательству других факторов центральноевропейской геополитики. К несчастью для малых европейских стран, они оказались на оси большого континентального набора, на оси Москва — Варшава — Берлин — Париж — Лондон.

Перевод с французского языка старшего преподавателя кафедры истории южных и западных славян БГУ В. В. Репина

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Gentile Emilio*. Qu'est-ce que le fascisme? Histoire et interprétation. Paris : Gallimard, 2002. 528 p.
2. *Gentile Emilio*. La religion fasciste. Paris : Perrin, 2002. 354 p.
3. *Griffin Roger*. Modernism and Fascism. London : Palgrave Macmillan, 2007. 352 p.
4. *Griffin Roger*. The Nature of Fascism. London : Pinter, 1991. 249 p.
5. *Duroselle Jean-Baptiste*. Politique étrangère de la France. La décadence, 1932—1939. Paris : Seuil, 1983. 568 p.
6. *Sandu Traian*. Le système de sécurité français en Europe centre-orientale, l'exemple roumain (1919 à 1933). Paris : L'Harmattan, 1999. 495 p.
7. Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe, 1919—1932. Strasbourg : Presses Universitaires de Strasbourg, 2007. 542 p.
8. *Burgwyn James H.* La sfida di Mussolini alle grandi potenze nei Balcani e sul Danubio, 1925—1933. Milano : Feltrinelli, 1979. 298 p.
9. *Hiden John*. Germany and Europe 1919—1939. London and New York : Longman, 1993 (2nd edition). 227 p.
10. *Bloch Charles*. Le IIIe Reich et le monde. Paris : Imprimerie nationale, 1986. 545 p.
11. *Sandu Traian*. La Roumanie sur l'axe Paris Moscou, 1933—1937 : sécurité européenne et coopération militaire // Sécurité et coopération militaire en Europe, 1919—1955 / ed. Bonneville-de Gayffier, Anne-Claire. Paris : L'Harmattan, Cahiers d'Histoire de Saint Cyr-Coëtquidan, n°1, 2004. P. 249—267.
12. Archives du ministère des Affaires étrangères français, série Z Europe, sous-série Roumanie ; exemple : volume 171, folio 199—205, télégramme n°83—88 du ministre de France d'Ormesson au ministre français des Affaires étrangères Louis Barthou du 22 février 1934 (далее: T. n°83—88 d'Ormesson du 22 février 1934, Z Roumanie 171, f.199—205).
13. *Talpeş Ioan*. Diplomatie şi apărare, 1933—1939. Bucarest : Ed. ştiinţifică şi pedagogică, 1988, 355 p.
14. *Duroselle Jean-Baptiste*. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours, 10e édition. Paris : Dalloz, 1990. 962 p.
15. *Titulescu Nicolae*. Documente confidenţiale / Publiés par Grecescu, Ion. Bucarest : Ed. Academiei, 1992. 175 p.
16. Chiper, Ioan et Constantiniu, Florin. Din nou despre cauzele înlăturării din guvern a lui Nicolae Titulescu, la 29 august 1936 (Retour sur la mise à l'écart du gouvernement de Nicolae Titulescu le 29 août 1936) // Revista Română de relaţii internaţionale, n°6, 1969. P. 37—53.
17. *Motza Ion*. Corrispondenza col Welt-Dienst [1934—1936], Parma, All'insegna del Veltro, 1996; nous utilisons ici la traduction roumaine : Corespondenţa cu Welt-Dienst. München : Ed. «Ion Mării», 2000, 95 p.
18. *Guida Francesco*. La droite radicale roumaine et l'Italie dans les années 1930 // La Périphérie du fascisme, spécification d'un modèle fasciste au sein de sociétés agraires ; le cas de l'Europe centrale entre les deux guerres / Catherine Horel, Traian Sandu et Fritz Taubert. Paris : L'Harmattan, coll. Cahiers de la Nouvelle Europe, 2006. P. 79—90.
19. *Codreanu Corneliu Zelea*. Circulări şi manifeste 1927—1938 [Circulaires et manifestes, 1927—1938], 5e édition, München : coll. Europa, 1981. 294 p.
20. Carol II. Între datorie şi pasiune, însemnării zilnice, 1904—1939 (Entre devoir et passion, journal, 1904—1939), Bucarest : Ed. Silex, 1995. 546 p.
21. *Vonyó József*. Tentative de l'organisation totale de la société hongroise sous le gouvernement de Gyula Gömbös // La Périphérie du fascisme, ... op. cit. P. 57—67.
22. *Fornaro Pasquale*. Due aspetti della svolta autoritaria tra le due guerre : fascismo e horthysmo // Italia e Ungheria dagli anni trenta agli anni ottanta / dirigé par Péter Sárközy. Budapest : Universitas, 1998. P. 39—57.
23. *Korb Alexander*. Le fascisme de l'Oustacha // La Périphérie du fascisme. P. 159—175.
24. *Korb Alexander*. Im Schatten des Weltkriegs : Massengewalt der Ustaša gegen Serben, Juden und Roma in Kroatien 1941—1945. Hamburg : Hamburger Edition HIS, 2013. 510 p.

Статья поступила в редакцию 7 января 2014 г.